

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

Санкт-Петербург
2009

УДК 341.1/8

ББК 67.3

Рецензенты:

Глухарева Людмила Ивановна, доктор юридических наук, профессор (Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва)

Алёшина Александра Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург)

Соотношение международного и национального права: теория, практика, проблемы преподавания : Сборник научных статей и учебно-методических материалов / Составители: А.А. Дорская, Н.Ю. Иванова. – СПб. : Астерион, 2009. – 420 с.

ISBN 978-5-94856-640-5

Работы печатаются в авторской редакции.

В сборнике осуществляется анализ современных проблем соотношения международного и внутригосударственного права. Основной целью являлось обеспечение диалога российских исследователей и преподавателей, занимающихся вопросами международного права и различных отраслей национального права.

Сборник, состоящий из двух частей – научных статей и учебно-методических материалов, предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических ВУЗов, а также всех, кто интересуется проблемами международного и национального права и их соотношения.

ISBN 978-5-94856-640-5

Коллектив авторов 2009
Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ:

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

- И.Л.Честнов* (Санкт-Петербург) Правопонимание в постклассическую эпоху 7
- А.А.Дорская* (Санкт-Петербург) Основные этапы развития права международных договоров (к 40-летию Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.)..... 17
- С.С.Щепкин* (Санкт-Петербург) Герменевтический метод в правоведении.... 25
- С.В.Бочкарёв, Т.Н.Бочкарёва* (Санкт-Петербург) Особенности международной кодификации норм права на образование и свободу воспитания..... 32
- Д.А.Садакова* (Санкт-Петербург) Гражданско-правовое образование как фактор формирования мультикультурализма: сравнительный анализ 44
- Н.С.Бацвин* (Санкт-Петербург) Сущность института административной юстиции..... 54
- Т.Н.Бочкарёва* (Санкт-Петербург) Международно-правовая характеристика высшего образовательного учреждения как компонента в системе образования..... 57
- Д.А.Садакова* (Санкт-Петербург) Гражданско-правовое образование в западноевропейском обществе: историко-правовые аспекты..... 65
- Л.И.Цыновская* (Санкт-Петербург) Правовые регистры в рамках современной концепции «Мирового права»..... 71

РАЗДЕЛ II.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- И.В.Понкин, М.Н.Кузнецов* (Москва) Анализ Постановления Европейского суда по правам человека от 22.01.2009 по делу «Священный Синод Болгарской Православной Церкви (митрополит Иннокентий) и другие против Болгарии» 79
- В.А.Абаканова* (Санкт-Петербург) Уголовно-правовые проблемы противодействия легализации преступных доходов (использование международного опыта)..... 92
- I.V.Ponkin, M.N.Kouznetsov* (Москва) Les schismes religieux et la position de la Cour Européenne des droits de l'homme dans l'affaire «Le Saint Synode de

l'Église Orthodoxe Bulgare (métropolitaine Innokenty) et autres contre la Bulgarie»	97
Н.Ю.Иванова (Санкт-Петербург) Институт оговорок к международным договорам (на примере Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод)	118
В.В.Фирсов (Санкт-Петербург) Реализация норм Женевского и Гаагского права как основа оптимизации практической деятельности Международного Комитета Красного Креста	124
М.В.Игнатьева (Санкт-Петербург) «Коренные пороки воли» в праве международных договоров.....	132
Е.Е.Петрова (Санкт-Петербург) Развитие идеи европейской интеграции в начале XX века. Из истории международного права.....	134
С.В.Бочкарёв (Санкт-Петербург) К вопросу о влиянии международных конгрессов и конференций XIX века на формирование норм международного права.....	136
М.В.Игнатьева (Санкт-Петербург) Влияние международно-правовых норм на современное конституционное право (на примере Японии).....	139
З.Ш.Матчанова (Санкт-Петербург) Определение норм jus cogens в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г	141
С.В.Дружинина (Санкт-Петербург) Киотский протокол и охрана климата в Европейском Союзе	144
С.С.Миненко (Санкт-Петербург) Круг наследников по закону в европейских континентальных государствах.....	146
М.А.Пчёллова (Санкт-Петербург) Развитие международного сотрудничества по проблемам экологии Балтийского моря.....	152
Л.А.Бойцова (Санкт-Петербург) Основы политики Европейского Союза в области окружающей среды.....	157
Н.И.Панцерова (Санкт-Петербург) Международно-правовые аспекты борьбы с загрязнением Балтийского моря.....	161
С.С.Васильева (Санкт-Петербург) Семья скандинавского права.....	163

РАЗДЕЛ III.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Д.А.Пашенцев (Москва) Преамбула в структуре Конституции: нормы права или политические декларации?	166
С.Г.Зубанова (Москва) Роль Русской Православной Церкви в интеграции и сплочении российского общества.....	172

Н.И.Пристанскова (Санкт-Петербург) К вопросу о значении судебно-медицинской экспертизы по делам о возмещении вреда, причиненного при оказании медицинской помощи.....	182
А.А.Соловьев (Москва) Спортивный кодекс Франции: история и предпосылки принятия, структура и особенности.....	185
В.А.Берзин (Москва) О недостатках законопроекта «О государственном регулировании производства и оборота столового вина и столовых виноматериалов»	194
Т.И.Ерёмина (Санкт-Петербург) Правовое обеспечение льготного обучения детей учителей в Российской Империи в XIX- начале XX века.....	204
Е.Н.Дидковская (Санкт-Петербург) Правовые особенности труда по совместительству персонала фармацевтических предприятий.....	207
Н.И.Пристанскова (Санкт-Петербург) Некоторые проблемы взаимного страхования в Российской Федерации.....	208
И.С.Чалых (Белгород) Об особенностях закрепления субъективных экологических прав в Конституциях (Основных законах) зарубежных государств.....	210
Е.Н.Кузнецова (Белгород) Правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления по вопросам развития сельскохозяйственного производства и создания условий для развития малого и среднего предпринимательства.....	214
Е.Н.Дидковская (Санкт-Петербург) Проблема возбуждения гражданского дела в судах общей юрисдикции в свете ГПК РФ	218
И.В.Кацуба (Санкт-Петербург) Классификация организационно-правовых форм участия граждан в охране общественного порядка в советской России.....	220
О.Н.Коваленко (Белгород) Специализация судов как механизм защиты прав человека.....	223
Е.А.Сергеев (Белгород) Конституционно-правовая природа взаимодействия государственных органов по поводу обращений граждан	227
Ю.И.Лебедева (Санкт-Петербург) Проблема незаконной рубки леса: причины и способы противодействия.....	232

РАЗДЕЛ IV.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

А.А.Дорская (Санкт-Петербург) Учебно-методический комплекс «Международный Суд Организации Объединенных Наций».....	235
Н.Ю.Иванова (Санкт-Петербург) Планы семинарских занятий по курсу «Международное право и религия».....	246

К.Б.Константинов (Санкт-Петербург) Учебно-методический комплекс «Международно-правовое регулирование интеллектуальной собственности».....	253
А.А.Дорская (Санкт-Петербург) Учебно-методический комплекс «Соотношение международного и внутригосударственного права»	260
В.А.Абаканова (Санкт-Петербург) Краткая программа исследования места совершения легализации преступных доходов других лиц. Методические рекомендации.....	269
С.В.Бочкарёв (Санкт-Петербург) Учебно-методический комплекс «История государства и права зарубежных стран».....	275
Н.И.Пристанскова (Санкт-Петербург) Учебно-методический комплекс «Жилищное право»	291
В.А.Косовская (Санкт-Петербург) Программа дисциплины «Транспортные обязательства в российском и международном частном праве»	300
В.А.Абаканова (Санкт-Петербург) Краткая программа спецкурса «Расследование таможенных преступлений».....	307
Т.Н.Бочкарёва, С.В.Бочкарёв (Санкт-Петербург) Учебно-методический комплекс «Защита материнства в международном праве»	314
М.В.Игнатьева (Санкт-Петербург) Учебно-методический комплекс «Международно-правовое сотрудничество в области культуры».....	319
Е.Н.Дидковская (Санкт-Петербург) Учебная программа дисциплины «Исполнительное производство».....	327
К.Б.Константинов (Санкт-Петербург) Учебно-методический комплекс «Вещные права в международных отношениях».....	341
Н.И.Пристанскова (Санкт-Петербург) Учебно-методический комплекс «Медицинское право».....	355
Е.Н.Дидковская (Санкт-Петербург) Учебная программа дисциплины «Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел»	364
Л.В.Фрунза (Санкт-Петербург) Программа курса: «Юридическая эдукология»	384
Е.Е.Петрова (Санкт-Петербург) Планы семинарских занятий по курсу «История международного права»	394
Н.И.Пристанскова (Санкт-Петербург) Учебно-методический комплекс «Правовое регулирование страхования».....	402
З.Ш.Матчанова (Санкт-Петербург) Программа учебной дисциплины «Современные проблемы права международной безопасности»	411
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	417

РАЗДЕЛ I

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

И.Л. Честнов

ПРАВОПОНИМАНИЕ В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Приход постсовременности, постиндустриального или информационного общества привел к радикальному разрыву с миром современности. Модерн, основные черты которого сложились в эпоху Просвещения¹, характеризуется верой в законообразность мира, возможность человеческого разума постичь его и преобразовать для своих нужд – достижения всеобщего блага. Другими словами, основной характеристикой эпохи модерна является рациональность, как онтологическая, так и гносеологическая: рационален (закономерен) как мир, в том числе, организация общества, так и мышление человека, которое в состоянии постичь законы природы, на которых зиждется мир, общество и сам человек с его мышлением. При этом неявно допускается смешение, взаимообусловленность этих двух типов рациональности – мир и общество разумны, а разум наделяется не только способностью приникать в сущность вещей, но и творить мир². Отсюда – из рациональности – вытекают такие постулаты модерна, определявшие (и до некоторой степени определяющие до сих пор) картину мира или мировоззрение современности, как универсальность, объективность, целесообразность.

Так как право – необходимый момент, сторона любого общества, оно не может не основываться на основных характеристиках (принципах), определяющих устройство данного социума, находящегося на определенной ступени исторической эволюции. Они (эти характеристики, принципы) выражаются в картине мира, присущей данному конкретно-историческому обществу и детерминируют как право как таковое (в объективном смысле), так и господствующие представления о праве.

Постсовременность подвергла (и продолжает подвергать) радикальному пересмотру, деконструкции эти основания эпохи модерна. Именно в этом –

¹ Хотя исходные предпосылки современной картины мира можно обнаружить в античной философии и религиозных догматах средних веков.

² Со времен античности постулируется соответствие полиса космосу и человека мировой гармонии. В Новое время аксиомой становится буквальность метафоры «природа человека», как и «природы» социальных явлений.

развенчании принципов мышления, картины мира, мировоззрения – видится радикальный разрыв постмодерна с модерном. И основная критика постмодерна направлена на веру в рациональность, как онтологическую, так и гносеологическую. Рационален ли мир? Подчиняется ли природа вечным и неизменным законам? Рационально ли человеческое мышление? В состоянии ли человек аподиктично описать, объяснить и предсказать развитие природы, общества и самого человека? Может ли человек преобразовать мир в лучший из миров и достичь всеобщее благо? Если господствующие представления, основанные на науке эпохи модерна, оптимистично отвечали на эти вопросы, хотя бы применительно к достижимой перспективе, то сегодня ответ явно иной. Во многом это связано с развенчанием претензий научного знания на привилегированный эпистемологический и социальный статус, вызванный, в частности, невозможностью науки справиться с радикальными рисками, с которыми столкнулось современное общество¹. И. Валлерстайн в работе с симптоматичным названием «Конец знакомого мира» в этой связи пишет: «...вера в определенность – фундаментальная посылка модернити – обманчива и вредна. Современная наука, будучи наукой картезианско-ньютонической, основывается на несомненной определенности. Изначально предполагается существование объективных универсальных законов, управляющих всеми естественными явлениями, равно как и возможность их научного постижения. Отсюда следует, что на основе исходных данных мы можем абсолютно точно просчитать будущее и прошлое». Однако эта вера сегодня опровергнута теорией неравновесности, доказывающая, что «ньютоническая определенность имеет место только в очень ограниченных и простых системах...»².

Действительно, эпистемологическая неопределенность стала краеугольным постулатом постмодерна, провозгласившего «недоверие к метанарративам» (Ф. Лиотар) - шире - к завышенным претензиям научного разума и ожиданиям разумного переустройства общества. Когда критерием научности становится фальсификация, то есть, опровержение, когда история науки трактуется как история заблуждений, а истина определяется как то, во что удобнее верить (Р. Рорти) – происходит утрата наукой и своего привилегированного социального статуса. Вместе с наукой утрачивается вера в незыблемость рациональности мироустройства и в возможность однозначной морально-правовой квалификации социальных явлений – их четкой оценки и

¹ Мир, в котором мы живем сегодня, не только не стал более «управляемым», но, «судя по всему, вовсе вышел из-под контроля – мир ускользает из рук. Более того, воздействие некоторых факторов, призванных, как предполагалось, сделать нашу жизнь более определенной и предсказуемой, в том числе научно-технический прогресс, зачастую приводит к противоположному результату», - пишет Э. Гидденс. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 18 – 19.

² Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003. С. 7 – 8.

классификации на хорошие и плохие, морально оправданные и аморальные, правомерные и противоправные. Утрачивается также вера в возможность как достижения всеобщего блага, так и его содержательного определения.

В общем и целом, в господствующей картине мира эпохи постмодерна закономерность уступает место вероятности, универсальность локальности, тождество различию, объективность превращается в субъективность, одномерность вытесняется многомерностью, референтность – симулякрами. Все это, очевидно, не может не определять и основные характеристики права эпохи постмодерна.

Рациональность права подвергается сомнению как с онтологической, так и гносеологической точек зрения. Онтологическая рациональность состоит в достижимости желательного результата. В этой связи право представлялось «социальным инженерам» эпохи модерна главным (или одним из главных) инструментом преобразования социального мира. Так, Р. Паунд полагал, что право – главнейший инструмент социального контроля, призванный упорядочивать общественные отношения в соответствии с установленной целью, обеспечивать гармонизацию социальных конфликтов¹. Однако именно «социальная инженерия» эпохи модерна, используя право, привела к глобальным проблемам современности, которые могут привести к исчезновению человека как биологического вида.

Рациональность предполагает возможность четкого расчета последствий принимаемых решений, например, при принятии нового нормативно-правового акта². Однако при этом возникают непреодолимые препятствия, на которые обращает внимание один из ведущих английских социологов Э. Гидденс³.

С точки зрения Э. Гидденса современное общество отличается (которое он характеризует как радикально модернизированное, а не постмодернистское) от традиционного, прежде всего рефлексивностью. Сегодня практика обосновывается не традицией, а знанием. Социальная практика в эпоху модерна постоянно проверяется и преобразуется в свете поступающей информации и поэтому существенно меняет свой характер. При этом принципиально важно то, что все формы общественной жизни частично конструируются самим знанием о них действующих лиц⁴. Сперва, когда требования разума заменили диктат традиции, стало казаться, что он даст больше уверенности, чем прежние догмы. Однако это представление выглядело убедительным лишь до тех пор, пока мы не увидели, что

¹ Pound R. Social control through law. New Haven, 1942. P. 54.

² Такой расчет лежит в основе программы экономического анализа права, даже в тех ее версиях, в которых провозглашается «ограниченная рациональность».

³ См.: Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990.

⁴ Ibid. P. 38.

рефлексивность модерна в действительности подрывает традиции разума, во всяком случае, там, где он понимается как достижение определенного знания. «Мы живем в мире, который полностью сконструирован рефлексивно примененным знанием, и мы никогда не можем быть уверены, что любой его элемент не будет пересмотрен», - отмечает Э. Гидденс¹.

Тезис о том, что большее знание об общественной жизни, даже подкрепленное опытом, равносильно большему контролю над нашей судьбой, является, по мнению Э. Гидденса, ложным. Он, может быть, справедлив относительно физических явлений², но не универсума общественных событий. Расширение нашего понимания социального мира могло бы привести ко все более ясному постижению человеческих инстинктов и, следовательно, к возрастающему технологическому контролю над ними, если бы общественная жизнь была либо полностью отделена от человеческого знания о ней, либо это знание постоянно проникало бы в мотивы социального действия, производя шаг за шагом рос рациональности поведения в отношении специфических потребностей.

Оба условия, считает Э. Гидденс, применимы к многообразным обстоятельствам и контекстам социальной активности, но ни одно из них не поднимается до того всеобъемлющего воздействия, которое провозглашалось бы в качестве цели наследниками идей Просвещения. Так происходит вследствие влияния нескольких факторов.

Первый заключается в дифференцированности власти. Присвоение знания осуществляется не единообразно, зачастую оно в разной степени доступно для тех структур, которые способны поставить его на службу групповым интересам.

Второй затрагивает роль ценностей. Изменения в этой сфере зависят от нововведений в познавательной ориентации, созданных изменяющимися взглядами на социальный мир.

Третий фактор – влияние непредусмотренных последствий. Никакой объем накопленных знаний об общественной жизни не может охватить всех обстоятельств их применения, даже если такое знание было бы совершенно отлично от среды, к которой оно относится³.

Исходя из приведенных аргументов, а их можно продолжить, следует согласиться с общим выводом английского социолога о том, что рефлексивность модерна приводит не к стабилизации общества, а, наоборот, к росту его неустойчивости и, как следствие, неуправляемости. Риск в

¹ Ibid. P. 39.

² Э. Гидденс предостерегает от аналогии с процессами микромира, в которых вмешательство наблюдателя изменяет объект изучения (Ibid. P. 47), хотя нам она представляется, в определенной степени, допустимой.

³ Ibid. P. 46 – 47.

постсовременном обществе становится имманентным самому существованию¹. Отсюда же делается вывод о качественном отличии управления социальными системами. У любой социальной системы всегда существует множество целей, которые, что особо важно, задаются не извне, а присущи ей самой. Непредсказуемость поведения социальной системы обуславливает «неспособность провести детальное и достаточно точное исследование возможных последствий принимаемых решений, а значит, и их сопоставления и рационального выбора./.../ На определенной степени сложности управляемой системы точный расчет необходимых команд, то есть то, на чем основывается вся теория управления техническими системами, становится принципиально невозможной»².

Таким образом, складывается парадоксальная и тревожная ситуация: для преодоления новых, сложных проблем, возникших в современном обществе, требуется усиление управления в глобальном масштабе, без чего выживание человечества поставлено под угрозу, но сама интенсификация управления невозможна по объективным причинам, обрисованным выше. С одной стороны, необходим «экологический императив» для предотвращения глобальной катастрофы, а с другой оказывается, что любое политическое и правовое решение, выражающее императив, может привести, вследствие принципиальной непредсказуемости побочных эффектов и его результата в более или менее отдаленной перспективе, к самым неблагоприятным последствиям.

Не случайно одной из главных проблем, обсуждавшихся Римским клубом в 80 – 90 гг., становится управляемость современным обществом. Так, А. Печчи в своей последней статье «Римский клуб – повестка дня на конец столетия» (1984), оставшейся незаконченной, писал: «Самым серьезным препятствием для трудной миссии, которую должно выполнить человечество за этот период, остается абсолютная неуправляемость общества в его нынешнем состоянии. В этих условиях не только проведение, но даже замысел какого-либо предприятия глобального масштаба, сколь бы важным оно ни было, не имеет ни малейшего шанса на успех. Несмотря на системный характер глобального человеческого сообщества, для его управления нет ни институтов, ни политической философии»³.

Эту же мысль высказал в своем выступлении на заседании Римского клуба в 1993 году директор Международного института управления (Женева) Б.

¹ См.: Гидденс А. Судьба, риск, безопасность // Thesis. 1994. № 5. О связи роста риска и угрозы существования человечества с ускорением НТП см.: Керимова Т.В. Проблемы НТП в аспекте философии безопасности // Будем ли мы жить во «всемирной деревне»? М., 1993.

² Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 303.

³ Римский клуб. История создания. Избранные доклады и выступления, официальные материалы / Под ред. Д.М. Гвишиани. М., 1997. С. 101.

Гаврилишин. «Можно утверждать, - говорил он, - что сложность управления, ограниченность возможностей политических органов экспоненциально растут как функция географических масштабов, культурных, языковых и поведенческих различий. Другие факторы – такие, как разный уровень образования, доходов, технологического развития, трудность взаимодействия с другими политическими образованиями – усугубляют сложности и делают задачу управления еще тяжелее»¹.

Если обозначенную выше проблему «приземлить» к практическим вопросам теории права, то она трансформируется в неудовлетворительность измерения результативности права, правового регулирования. Традиционно эффективность права, выражающаяся в принимаемом решении (например, нормативно-правовом или индивидуально-правовом акте) измерялась отношением цели и результата (иногда с добавлением затраченных средств). Чем ближе результат к поставленной цели и чем меньше на это затрачено средств, тем эффективность выше. Однако цель нормативно-правового акта (например, Уголовного кодекса, Гражданского кодекса) количественно измерить чрезвычайно сложно. Еще сложнее определить количественные параметры достигнутого результата. Проблема усугубляется также тем, что считать результатом действия нормативно-правового акта? Для Уголовного кодекса, видимо, таким результатом можно считать снижение преступности, а для Гражданского кодекса – рост экономики. Однако на состояние и уровень преступности влияют в той или иной мере все социальные (и не только социальные, а, например, и климатические) факторы². То же самое касается и экономики. Более того, в силу амбивалентности любого социального явления, которое можно рассматривать в качестве результата правового регулирования, его оценка как «положительного» или «отрицательного» всегда относительна. Она зависит от точки зрения наблюдателя, его ценностных, идеологических и политических предпочтений и т.д. При этом с течением времени ценность достигнутого результата всегда меняется, что связано, в том числе, с дисфункциональностью, обнаруживаемой, как правило, по прошествии некоторого времени.

Более операциональной, вроде бы, представляется формула, включающая разницу состояния общества (или какой-либо его подсистемы) после правового воздействия и до правового воздействия. Например, состояние преступности через год после принятия нового Уголовного кодекса

¹ Там же. С. 265.

² Например, существует четкая корреляция между ростом народонаселения и ростом преступности. Поэтому, добиваясь роста населения России, неизбежно придется столкнуться с ростом преступности.

и состояние преступности при действовавшем ранее УК. Однако в этом случае нужно вывести за скобки все остальные факторы, воздействующие на преступность, кроме норм УК. При этом нельзя забывать, что право само по себе не действует: действуют только люди, которые соблюдают, исполняют и используют (или не соблюдают, не исполняют или не используют) информацию, закрепленную в нормах права. Поэтому на конечный результат влияет мотивация, целеполагание, специфика правовой культуры населения, которые обусловлены материальными факторами, качество законодательства и т.д. Так, «реалисты» США в 30-е гг. XX в. показали зависимость решений, принимаемых судьей, от его (судьи) культуры (воспитания в северных штатах, или южных), расы, конфессии, возраста, пола, а также подсознательного образа сторон-участников судебного процесса¹, а сторонники «Школы критических правовых исследований» в 70 – 80 гг. XX в. – от политических и идеологических предпочтений, а также социально-экономического статуса².

С другой стороны, право, как следует из вышеизложенное, действует (через действия людей) не само по себе, а вместе с его «материальным содержанием» - экономикой, политикой и т.д. Вычленив, например, из экономических по содержанию отношений их правовой аспект можно только аналитически и всегда лишь с некоторой вероятностью.

В то же время результативность права зависит и от его имманентного качества – непротиворечивости, обоснованности, соответствия культуре социума, ожиданиям населения. Очевидность этих требований, предъявляемых к праву, не гарантирует того, что оно (право) когда-либо сможет стать непротиворечивым, обоснованным и т.д. Дело в том, что как доказал К. Гедель, непротиворечивых и одновременно завершенных формализованных систем не может быть «по определению» (исходя из его ограничительных теорем неполноты). Сегодня это же подтверждается постструктуралистами, обосновавшими самостоятельность знаков относительно их референтов (содержания) и превращение некоторых из них в симулякры. Поэтому с одним и тем же принципом права (например, с принципом разделения властей) может согласовываться разное конституционное законодательство. В любом случае прямой и однозначной логической связи между разными уровнями системы права не существует. С другой стороны, Р. Познер достаточно убедительно показал, что так называемой «юридической логики», на которой настаивал в свое время еще Блэкстоун, не существует: юристы в своих практических

¹ Llewellyn K.N. The Bramble Bush. On our Law and its Study. N.Y., 1981; Ллевеллин К. Немного реализма о реализме // Антология мировой правовой мысли. Т. 3. М., 1999; Фэнк Дж. Право и современное сознание // Там же.

² Critical Legal Studies / Ed. by A. Hutchinson. Totowa, 1989.

действиях руководствуются, как и обыватели, «практическим мышлением», включающим в себя «анекдоты, самоанализ, воображение, здравый смысл, сопереживание, приписывание мотивов, авторитет говорящего, метафоры, аналогии, обычаи, интуицию, ожидание регулярностей»¹.

Рациональность, по крайней мере, в классической ее интерпретации, предполагает универсальность законов бытия и мышления и, соответственно, *универсальность права*. В духе идей Просвещения мало кто сомневается, например, в универсальности прав человека, свободы личности, формального равенства, демократии и т.д. Однако концепция онтологической относительности У. Куайна, гипотеза лингвистической относительности Б. Уорфа и Э. Сэпира, концепция «языковых игр» Л. Витгенштейна, антропологический поворот в гуманитарной науке поставили под сомнение веру в существование универсальных законов в социальном мире, а открытия диссипативных структур в синергетике – и в мире природы. Так как право формулируется и интерпретируется в языке, то очевидно, что в различных языковых картинах мира одни и те же юридические термины (прежде всего, принципы права, дефиниции, но также и формулировки конкретных норм права в статьях нормативно-правовых актов) приобретают разные значения. Например, понятие свобода, без которого невозможна формулировка прав человека, в японском языке означает эгоизм и выступает антиценностью, а в славянских языках предстает вольностью, то есть произволом, в то время как в английском – правом, ограниченным свободой другого человека². С другой стороны, универсальность права, навязываемая остальному человечеству, четко коррелирует со стратегией идеологического господства «золотого миллиарда». Прав был К. Шмитт, заметивший в свое время, что тот, кто говорит «человечество» (или пытается говорить от имени человечества), тот хочет обмануть: идентифицировать себя с таким универсальным и положительно оцениваемым понятием для того, чтобы отказать в них врагу и тем самым легитимировать насилие. Поэтому «самая ужасная война, самая бесчеловечная акция осуществляется именем человечества»³. И. Валлерстайн по этому поводу выражается еще более резко: «Универсализм – это средство эксплуатации третьего мира»⁴.

Основные принципы права относятся к так называемым «сущностно оспариваемым понятиям», а потому не могут быть универсальны. Такие

¹ Posner R. The Problems of Jurisprudence. Chicago, 1990. P. 73.

² Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of social interaction. Berlin, 1991; Idem. Understanding Cultures through their Keywords: English, Russian, Polish, German, Japanese. Oxford, 1997.

³ Schmitt K. Der Begriff der Politischen. Berlin, 1963. S. 94.

⁴ Wallrstein I. Culture as the ideological battleground of the modern world-system // Theory, culture and society. London, 1990. Vol. 7. № 1/3. P. 46.

понятия, по мнению автора данного термина У. Гэлли, как свобода, справедливость, демократия являются многомерными, носят ярко выраженный оценочный характер, всегда эксплицируют некоторую идеологию, и потому дискуссия по поводу их содержания является бессодержательной – практически любую точку зрения можно как аргументировать, так и опровергнуть. Ко всему прочему, они всегда открыты для новых толкований¹. Э. Гидденс, поддерживая эту точку зрения, утверждает, что весь концептуальный аппарат социальных наук в известной степени является сущностно оспариваемым².

Не меньше возражений встречает и представление об *объективности права*. Во-первых, право, как и любое другое социальное явление, невозможно свести к одному референту. То есть вывести объективность права их объективности, например, свободы, формального равенства, закона или власти невозможно, так как право включает в себя и одно, и второе, и третье. Во-вторых, объективность права, как, например, его соответствие объективным законам природы, общества и разума, предполагает его неизменность. Однако очевидна динамичность, постоянная изменчивость правовой системы любого общества. В-третьих, реификация права, предстающая в обыденном общественном сознании как некая самостоятельная и самодостаточная сила, подчиненная собственным законам, которая действует вне или «поверх» действий отдельно взятых людей противоречит антропологической интенции современной социальной науки, в том числе, интенциям постмодерна³.

Каковы же основные характеристики постклассического правопонимания, или права эпохи постмодерна или с точки зрения постмодерна? Это контекстуально (исторически и социокультурно) обусловленное, многомерное, включающее нормы, действия и ментальные образы человекоцентристское право. Важно то, что это диалогичное по своей сути право, в котором бинарные оппозиции (должное и сущее, материальное и идеальное, объективное и субъективное и т.д.) взаимопологают и взаимообуславливают друг друга.

Антропологичность права проявляется, прежде всего, в диалоге человеческой экзистенции и социальной структуры. Право, в традиционном

¹ Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955. Vol. 56. P. 67 – 173.

² Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley, 1979. P. 89 – 90.

³ По мнению Н.С. Автономовой за разрушительным проектом деконструкции Ж. Деррида скрывается стремление к освобождению экзистенции человека. – Автономова Н.С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. Она же. Познание и перевод. Опыт философии языка. М., 2008. С. 189 – 210.

представлении – это объективный социальный институт (структура), существующий и действующий в некотором смысле сам по себе (когда юристы говорят о действии нормативно-правового акта с момента его вступления в силу независимо от фактической реализации), независимо от знаний о нем у населения, независимо от желаний и действий конкретных людей. При этом забывается, что любой социальный институт, во-первых, создан конкретными людьми (их желаниями, представлениями, знаниями и действиями), а, во-вторых, реализуется, то есть воспроизводится (как традиционно, так и инновационно, когда в институт вносится нечто новое) представлениями и действиями конкретных людей. То есть право не есть объективная данность, а представляет собой социальный конструкт. Другое дело, что «произвол» конкретного человека и широких народных масс всегда ограничен многими факторами¹, прежде всего, символическим принуждением социальной структуры. Но именно человек является субъектом права, центром и основой правовой реальности. Субъект права – это всегда человек: когда он выступает от своего имени, то в юридическом смысле именуется физическим лицом; когда от выступает от имени и по поручению должности – то является должностным лицом; когда же он действует от имени коллектива (социального института) – то коллективным субъектом.

Именно такая *антропологизация* должна стать основой преодоления химер² классического правопонимания. Именно химерами являются основные категории догматической по преимуществу, господствующей до сих пор теории права и – шире – юриспруденции. Такими химерами являются, например, все претендующие на универсальность содержательные определения права. Несомненно химерой выступает утверждение о существовании вечных и неизменных законов права, открытых правоведением, выражающих «собственную логику» правовых явлений и процессов. Химерой является трактовка нормы права как бессубъектного юридического института, действующего с момента вступления нормативно-правового акта в силу (или другой формы внешнего выражения права). Действие права – не меньшая химера в догматико-позитивистской трактовке. Химерой является трактовка правоотношения как юридической модели общественного отношения. Наконец (хотя этот перечень может быть и должен быть продолжен) химерой выступает «бесчеловечная» трактовка субъекта права.

С антрополого-диалогической точки зрения *универсальным признаком права – его сущностью* – является объективная функциональная значимость

¹ Р. Харре, например, настаивает на том, что социальный конструктивизм, то есть, преобразовательная активность человека, ограничена, прежде всего, материальными свойствами используемого объекта. – Harre R. *Social Being*. 2-nd ed. Oxford, 1993.

² Об определении химеры см.: Гревцов Ю.И., Хохлов Е.Б. О юридико-догматических химерах в российском правоведении // *Правоведение*. 2006. № 5.

определенных правил поведения по сравнению с другими. Конкретное содержание этой функциональной значимости проявляется по-разному в различных исторических и социокультурных контекстах. Общим (или трансцендентным) является то, что в любом обществе существуют нормы, которые являются конститутивными для данного социума, то есть такие, которые обеспечивают его выживание.

Норма права, с антрополого-диалогической точки зрения, представляет собой такое функционально-значимое правило поведения, которое возникает из первичного действия и ментального образа конкретного человека и многократного воспроизводства в «фактических правоотношениях» и представлениях персонифицированных субъектов и реализуется в их последующих действиях и образах. Норма права – это модель правоотношения, формулирующая безличностную связь между социальными статусами, признанными в данном социуме, существующая только вместе или через правоотношения – конкретные взаимодействия персонифицированных людей – субъектов права.

Субъект права в таком случае – это усредненная модель юридически значимых свойств человека, занимающего все возможные статусы в социальной системе данного общества, которая реализуется (воспроизводится) конкретными людьми в данных жизненных ситуациях.

А.А. Дорская

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ (К 40-ЛЕТИЮ ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ 1969 г.)

Одной из отраслей международного права, в которой наибольшим образом, чем в других, необходимо учитывать исторический фактор, является право международных договоров. Это объясняется несколькими причинами

Во-первых, это одна из древнейших отраслей международного права, нормы которой были уже достаточно серьезно разработаны в Древнем мире.

Во-вторых, основными источниками права международных договоров являются, как известно, Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. и Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями от 21

марта 1986 г. В обеих этих конвенциях обычай, как и раньше, считается источником права международных договоров, и вопросы, которые не нашли отражения в конвенциях, по-прежнему регулируются нормами международного обычного права¹.

В-третьих, не все государства являются участниками данных конвенций. Венская конвенция 1969 г. вступила в силу 27 января 1980 г. На сегодняшний день в ней участвуют более девяноста государств, в том числе Российская Федерация. Венская конвенция 1986 г. пока в силу не вступила. Согласно статье 85 это произойдет на тридцатый день с даты сдачи на хранение тридцать пятой ратификационной грамоты или документа о присоединении государств.

И, наконец, в-четвертых, серьезную роль в регламентации договорной деятельности государств играет их внутреннее законодательство. Например, в России вопросы международных договоров регулируются Конституцией Российской Федерации, Федеральным Законом Российской Федерации от 15 июля 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации» и рядом других нормативно-правовых актов. В связи с этим, необходимо учитывать историко-правовой опыт страны, ее конституционно-правовые особенности и т.д.

Анализ истории права международных договоров позволяет выделить следующие этапы.

Первый этап относится к Древнему миру (*до падения Западной Римской империи в 476 г. н.э.*).

Данному этапу следует уделить достаточно большое внимание, т.к. именно в этот период формировались основные нормы, многие из которых являются действующими до сих пор. Нормы права международных договоров в этот период имели обычно-правовой характер. Как справедливо замечает О.И. Тиунов, «история международного права свидетельствует о том, что наиболее важные его положения сложились в виде норм обычного права. Это относится к нормам любой классической, т.е. прошедшей через века, отрасли международного права. Такие его принципы и нормы, как принцип «*pacata sunt servanda*», неприкосновенность дипломатических представителей, принцип свободы открытого моря, правила признания и правопреемства государств, право вооруженных конфликтов, международное гуманитарное право,

¹ Преамбула Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Международное публичное право. Сборник документов в двух частях / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. М., 2006. Ч.1. С.320; Преамбула Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 г. // Международное публичное право. Сборник документов в двух частях / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. М., 2006. Ч.1. С.340.

международное право прав человека и т.д., первоначально сложились как «обычно-правовые правила»¹.

Самыми древними были международные договоры о заключении браков. Они являлись важнейшими политическими актами. Например, брак вавилонской царицы Шуммурилат (Семирамиды) с ассирийским царем Шамаши-Агади II привел к необычайному росту в Ассирии влияния вавилонской религии и культуры.

Около 3100 г. до н.э. правители месопотамских городов-государств Умма и Лагаш заключили договор, который подтверждал существующую государственную границу и провозгласил ее неприкосновенность, стороны обязались разрешать споры мирным путем на основе арбитража. Исполнение договора гарантировалось клятвами и обращением к богам.

Однако традиционно первым международным договором в истории считается договор египетского фараона Рамзеса II с царем хеттов Хеттушилем III, заключенный в 1278 г. до н.э. С 1317 по 1251 г. до н.э. Египтом правил Рамзес II. В 1312 г. Рамзес с 20-тысячной армией пошел на город Кадеш, находившийся в руках хеттов, т.к. это давало контроль за всей территорией Сирии. Битва закончилась вничью и стала началом 14-летней войны между египтянами и хеттами.

Около 1278 г. до н.э. по инициативе Хеттушиля III был заключен мирный договор. Он был написан клинописью на серебряных таблицах. В удостоверение подлинности документа на передней стороне доски имелось изображение царя, стоящего рядом с богом ветра и молнии Тешубом. На оборотной стороне была изображена царица в сообществе солнечной богини Аринны.

Рамзес принял условия мирного договора и в знак согласия отправил Хеттушилю другую серебряную доску с начертанным на ней текстом мирного договора.

Договор состоял из трех частей. Видимо, с тех пор классическая форма международных договоров является трехчастной. Первая часть представляла собой введение, в котором говорилось, что испокон веков хетты и египтяне не были врагами, и отношения между ними испортились в правление брата Хеттушиля, сражавшегося с Рамзесом. Со дня подписания данного "прекрасного договора", между царями устанавливались "на вечные времена" мир, дружба и братство.

Вторая часть – это был текст договорных статей. Заключался дружественный наступательный и оборонительный союз, причем указывалась

¹ Тиунов О.И. Влияние международных договоров и международно-правовых обычаев на национальное законодательство // Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Юридические науки». 2009. № 11. С. 270.

возможность поддержки друг друга при борьбе не только с внешними, но и внутренними врагами в случае восстаний и мятежей. Договор также предусматривал выдачу политических перебежчиков, их имущества и людей.

Третья часть содержала обращение к богам, клятвы и проклятия против нарушителей договора. Указывалось, что за честное выполнение этого договора боги даруют здоровье и благоденствие.

Позже этот договор был скреплен династическим браком Рамзеса II с дочерью Хеттушиля III. Косвенно этот договор был направлен против другого древневосточного государства - Ассирии, которое активно стало приобретать влияние на международной арене в этот период.

В важнейшем собрании политической мудрости Древней Индии – Артхашастре, принадлежавшей перу полулегендарного Каутильи (IV-III вв. до н.э.), также говорилось о мирных договорах. Они должны заключаться только с равными или более сильными королями, на слабых же – необходимо нападать. Судя по всему, индийские правители пользовались этими советами, т.к. их внешняя политика была достаточно удачной. Основателю мощной державы Маурья – Чандрагупте, удалось заключить мир с преемником Александра Македонского Селевком. В I-II вв. н.э. индийские посольства были в Римской империи.

В XII в. до н.э. возникло большое Китайское царство, которое в VIII в. до н.э. распалось на мелкие царства. В связи с тем, что на них часто осуществлялись набеги, в 546 г. до н.э. они заключили между собой соглашение об отказе от разрешения спорных вопросов с помощью военной силы и обращении к третейскому суду. Это был первый в истории договор о ненападении.

В Древней Греции заключение международных договоров, которые рассматривались как нечто магическое, считалось одной из главных задач послов. Существовало мнение, что нарушение договора влечет за собой кару. Поэтому заключение договоров сопровождалось клятвами в присутствии магистратов города, где подписывался договор, и проклятиями в адрес нарушителей. Если на почве договора возникали споры, их рассматривала третейская комиссия, которая могла налагать на нарушителей пени в пользу какого-либо божества в особо крупных размерах. В случае неподчинения, могла объявляться "священная война".

После принятия договора каждая сторона должна была вырезать его текст на каменном столбе и хранить в одном из главных храмов. Например, в Афинах – в храме Афины Паллады на Акрополе. Договоры писались на нескольких языках, по числу договаривающихся сторон. Один текст обязательно поступал в государственный архив. В случае объявления войны между ранее договорившимися городами, стела разбивалась.

На договорной основе строились и древнегреческие симмахии, напоминающие международные организации. Самыми значительными из них были Лакедемонская и Афинская (Делосская). У них были общие органы, принимавшие решения.

Лакедемонская симмахия образовалась в VI в. до н.э. как союз городов и общин Пелопонесса, во главе которого стояла Спарта. Высшим союзным органом было общее собрание (силлогос), созываемое Спартой один раз в год. Все города, входившие в союз, имели в нем по одному голосу, вне зависимости от их величины и значения. Дела решались большинством голосов.

Во главе Афинской или Делосской симмахии стояли Афины. Она образовалась во время греко-персидских войн для борьбы с персами. Входившие в нее союзники платили особый взнос (форос) в общественную казну на Делосе, и они гораздо больше, чем в Лакедемонской симмахии зависели от своего главного города. Постепенно Делосская симмахия превратилась в афинскую державу (архэ).

Отношения между обеими симмахиями были враждебными, Во второй половине V в. до н.э. это привело к общегреческой Пелопоннесской войне (431-404 гг. до н.э.). Во время этой войны заключалось огромное количество разнообразных международных договоров. Ученые насчитали их около двадцати типов: о мире, о союзе, о границах, об арбитраже, о взаимной помощи, о ненападении, о торговле, о праве вступать в брак с иностранцами, о праве участвовать в общеэллинских играх и другие.

Древний Рим знал уже более тридцати видов международных договоров, которые делились на: 1) равные, заключаемые с независимыми государствами, 2) неравные, устанавливавшие покровительство и защиту со стороны римского народа.

Второй этап в развитии права международных договоров охватывает период *с V до середины XVII вв.* Именно в этот период на основе обычаев впервые сложились некоторые международные правила, которых государства стали придерживаться в своих взаимоотношениях. Таких правил можно насчитать три: договоры должны соблюдаться, послы являются неприкосновенными, государство, заявившее о своем нейтралитете в войне, не должно оказывать воюющим никакой помощи.

Огромное влияние на становление этих правил оказала религия, благодаря которой обычай «договоры должны соблюдаться» приобрел подкрепление в религиозных источниках. Этот факт никогда не отрицался юристами-международниками. Однако следует отметить работу Ю.Я. Баскина, который первым в постсоветский период написал работу по данному вопросу¹. Позже об

¹ Баскин Ю.Я. Новый Завет и становление современного международного права // Правоведение. 1992. № 3, 4.

этом труде Ю.С. Безбородов напишет: «... Ю.Я. Баскин анализирует также соотношение принципа сотрудничества и принципа *pacta sunt servanda* в религии и международном праве. И здесь также опережающим значением отличается религиозное знание, а именно Новый Завет, где для всего христианского мира эти принципы были закреплены впервые»¹.

В этот период впервые на международную арену вышло Древнерусское государство. Как отмечал И.И. Лукашук, «начиная со своего образования в IX веке, Киевская Русь поддерживала активные связи с Византией. Заключались мирные и союзные договоры. При помощи договоров решался сложный вопрос о статусе русских дипломатов и купцов во время пребывания в Византии. Договоры скреплялись религиозной клятвой. Русы клялись Перуном и Велесом, «скотым богом». Представители Византии по христианскому обычаю целовали крест»².

Кроме известных трех договоров киевских князей с греками 911, 945 и 971 гг., сохранились международные торговые договоры периода раздробленности. Анализ данных договоров, проведенный Ф.И. Кожевниковым, показал, что «в этом отношении наибольшее значение имеют договоры Новгорода 1195, 1257 и 1270 гг. и Смоленска 1229 г.»³.

При французском короле Филиппе IV Красивом (1285-1314) появилось новое правило: международные договоры преимущественно были письменными, они составлялись на латинском языке. Международные же переговоры стали вестись на французском.

В XVI - первой половине XVII вв. началось становление науки международного права. Гуго Гроций, считающийся «отцом науки международного права», написавший в годы Тридцатилетней войны в Европе трактат «О праве войны и мира», отнес обязательность соблюдения любых договоров, в том числе и международных, к естественному праву⁴.

Третий этап в развитии права международных договоров приходится на **вторую половину XVII - первую половину XX вв.** Тридцатилетняя война закончилась подписанием Вестфальского мира в 1648 г. и установлением так называемой Вестфальской системы, которая, как считают многие юристы-международники, сохраняется до сих пор. Государства договорились о незыблемости принципов государственного суверенитета и территориальной целостности⁵. Это оказало существенное влияние на право международных

¹ Безбородов Ю.С. Религиозные начала в международном праве // Московский журнал международного права. 2005. № 2 (58). С. 96.

² Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 1999. С. 45.

³ Кожевников Ф.Ф. Русское государство и международное право (до XX века). М., 2006. С. 24.

⁴ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги. М., 1956. С.44, 48.

⁵ Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2004. 13 июля.

договоров: теперь ни один международный договор не мог посягать на суверенитет государства, на государственную территорию. Даже оккупация не могла приводить к аннексии.

Вестфальская система сегодня вызывает абсолютно противоположную оценку специалистов. Так, директор Исследовательского института Германского общества внешней политики К. Кайзер утверждает, что «Вестфальский договор закрепил суверенитет государства в сфере внутренней и внешней политики и тем самым – принцип невмешательства во внутренние дела государств. «Вестфальская система» – это система уважающих суверенитет друг друга и в принципе равных между собой государств, которые сами определяют свою внутреннюю политику и свободны в своих внешних действиях»¹. В то же время высказываются и противоположные точки зрения: Вестфальская система в современном мире не работает, т.к. отдельные государства уже не в состоянии справиться с проблемами в условиях глобализации².

Так или иначе, необходимо признать, что закрепление Вестфальской системой принципа государственного суверенитета позволило придать международным договорам значение основной формы межгосударственного общения. Не зря поэтому, в дальнейшем началась эпоха международных конгрессов, на которых посредством переговоров решались все важнейшие вопросы мировой политики. Так, например, на Венском конгрессе 1814-1815 гг. на основании международного соглашения была закреплена раздробленность Германии, представлявшей к тому времени 38 самостоятельных немецких княжеств.

В XIX веке право международных договоров активно развивалось и юристами-международниками. Например, учрежденный в 1873 г. Институт международного права, продолжающий функционировать до сих пор как неофициальное научное общество, состоящее из 132 членов и членов корреспондентов³, сыграл выдающуюся роль в разработке принципов и норм международного права⁴. В конце XIX века он фактически выполнял функции, которые теперь принадлежат Комиссии международного права ООН, Генеральной Ассамблее, а также другим комитетам и комиссиям ООН. В 1892 г. Институтом была разработана резолюция о международном учреждении для опубликования договоров⁵. И хотя эта идея была реализована только в XX веке, ученые серьезно обогнали политиков в этом вопросе.

¹ Кайзер К. Смена эпох // Россия в глобальной политике. Журнал о мировой политике и международных отношениях. – <http://www.globalaffairs.ru/articles/2203.html>.

² Филатов А.С. Вестфальская система как мифологема // <http://www.ni-journal.ru/rez/b9efc513/>.

³ <http://n-t.ru/nl/mr/imp.htm>.

⁴ См., напр.: Пустогаров В.В. Федор Федорович Мартенс. Юрист, дипломат. М., 1999. С.134.

⁵ Таубе М.А. Ф.Ф. Мартенс (1845-1909). Некролог. СПб., 1909. С.13.

Серьезный вклад в развитие права международных договоров также был внесен на I (1899 г.) и II (1907 г.) Гаагских конференциях мира. Обычно принято считать, что данные конференции имели огромную роль в развитии международного гуманитарного права¹. Однако впервые в истории государства, находящиеся накануне Мировой войны, путем заключения международных договоров попытались ограничить ужасы предстоящей войны.

После Первой мировой войны был сделан новый шаг в понимании важности развития права международных договоров. В Уставе Лиги Наций 1919 г. нормы о международных договорах были отнесены к разряду норм, способствующих поддержанию мира косвенным образом. Они касались обязательств государств не заключать секретных договоров, пересмотра договоров, ставших неактуальными или оказавшихся невыполнимыми, обязательств содействовать разоружению и обязательств о мирном переходе к независимости колониальных стран.

К 1928 г. относится первая попытка кодифицировать право договоров. Была разработана Гаванская конвенция о международных договорах, но в силу она не вступила, т.к. не набрала необходимого числа ратификаций.

Четвертый этап начался после 1945 г. Его главное содержание определяется тем, что впервые принцип добросовестного выполнения международных обязательств был возведен в ранг общепризнанного принципа международного права². В статье 38 Статута Международного Суда ООН 1945 г. международные конвенции были поставлены на первое место среди источников, которыми руководствуется Суд при разрешении международных споров.

Начался новый этап кодификации права международных договоров. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. и Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями от 21 марта 1986 г. были задуманы и приняты как универсальные. Как отмечает С.А. Егоров, говоря о конвенции 1969 г., «отечественные доктрина и практика международного права исходили и исходят из того, что благодаря принятию этой конвенции впервые в истории международных отношений удалось привести в порядок разнообразную и часто противоречивую мировую договорную практику государств, сократить до известной меры различия в понимании того, как должны действовать международные договоры между государствами. С вступлением в 1980 г. Венской конвенции 1969 г. в силу можно утверждать, что

¹ См., напр.: Валеев Р.М. Роль России в проведении Гаагских конференций мира // История государства и права. 2009. № 13. С.4.

² Пункт 2 статьи 2 Устава ООН 1945 г. // // Международное публичное право. Сборник документов в двух частях / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. М., 2006. Ч.1. С.78.

право международных договоров в отношениях между государствами, до этого бывшее почти полностью обычно-правовым, приобрело договорно-правовой характер»¹.

Несмотря на это, развитие права международных договоров продолжается.

До сих пор не вступила в силу Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями от 21 марта 1986 г.

С сентября 2000 г., когда проходил Саммит тысячелетия, стало практиковаться ежегодное проведение в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций дней международных договоров.

В этом году такие дни проводились с 23 по 25 и с 28 по 29 сентября 2009 года, т.е. в период, когда проходили общие прения на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Эти дни, посвященные теме «На пути к всеобщему участию и осуществлению», дали государствам конкретную возможность продемонстрировать свою неизменную приверженность центральной роли верховенства права в международных отношениях. В этом году такие дни были посвящены договорам, имеющим отношение к вопросам изменения климата, терроризма, прав человека, транснациональной организованной преступности, безгражданства, применения ядерного либо другого оружия имеющего негативные последствия для жизни гражданских лиц².

Таким образом, человечество проделало огромный путь, прежде чем международный договор стал основным источником международного права и позволил государствам общаться друг с другом не с точки зрения силы, а с позиции равных суверенных субъектов. Развитие данной отрасли международного права далеко не исчерпано.

С.С. Щепкин

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПРАВОВЕДЕНИИ

Понятие конструирует человеческая мысль из созерцания окружающей действительности. Мысль или идеал человек способен создать только из своих ощущений, органов чувств, то есть того, что он видит, слышит, осязает и т. п. Научные понятия – продукт мыслительных процессов индивидов на протяжении всей истории развития общества. Мыслительные процессы

¹ Международное право: Учебник / отв. Ред. В.И. Кузнецов. М., 2001. С.92.

² <http://www.un.org/ru/law/treatydays/>.